

Сяо Цинму дёрнул его за волосы:

— Ты не устал? Вчера ещё изо всех сил пытался избежать этого.

Уши Лу Цяньтана слегка покраснели:

— На этот раз, когда я уйду, все подумают, что я пытался соблазнить Его Высочество князя Цзиня, но не смог, и теперь остался ни с чем — это опять же подведёт Его Высочество.

Сяо Цинму почувствовал, что эти слова странные, но не успел понять, что именно, как Лу Цяньтан сам поднялся, опёрся на руки и посмотрел на него:

— То, что я сказал в прошлый раз, всё ещё в силе. Я признаю поражение.

Сяо Цинму, видя, что тот наклоняется, поднял руку и схватил его за подбородок:

— Ты говоришь о том пари на осенней охоте?

Лу Цяньтан не мог кивнуть, поэтому только моргнул.

Сяо Цинму никогда не знал, что человек может быть таким деревянным. Ему даже казалось, что всё, что говорит Лу Цяньтан, звучит так, будто тот специально хочет его разозлить.

Сяо Цинму с досадой сказал:

— Вчера только что ласкались, а теперь, если я тебя ударю, это будет выглядеть так, будто я совсем не человек.

Лу Цяньтан снова сделал удивлённое лицо. Сяо Цинму, сжав его за талию, заставил наклониться, открыл рот и укусил его за подбородок:

— Ещё хватает сил раздражать, видимо, ты не устал.

Когда Лу Цяньтана прижали, он не понял, почему тот злится, но с крайней снисходительностью позволил ему продолжать, хотя поясница болела так, что он едва мог держаться, и только лежал на нём, тяжело дыша.

Лу Цяньтан посмотрел вниз на свой живот, с лёгким дискомфортом укусил его за плечо и шёпотом сказал:

— Слишком глубоко, живот болит.

Сяо Цинму закрыл ему рот рукой:

— Не говори.

Глаза Лу Цяньтана блестели, и он намеренно лизнул его ладонь, заставив того отдернуть руку, как от удара током, и с нахмуренным лицом сказал:

— Я хочу сказать, Сяо Цижунь, мне так неудобно.

Сяо Цинму усмехнулся:

— Сам виноват.

Лу Цяньтан не успел сказать следующее, как вдруг кто-то постучал в дверь:

— Ваше Высочество, чай готов, принести внутрь?

Лу Цяньтан резко напрягся и предупредительно укусил его.

Настроение Сяо Цинму, кажется, внезапно улучшилось:

— Принесите, оставьте в передней.

Лу Цяньтан не смел даже дышать, всё его тело напряглось — передняя и внутренняя комнаты были разделены только ширмой.

Сяо Цинму снова закрыл ему рот рукой, с явным удовольствием несколько раз двинулся, собирая его учащённое, сдержанное дыхание в своей ладони.

Наконец, когда тот, кто принёс чай, ушёл, глаза Лу Цяньтана были влажными, и он посмеялся над ним:

— Оказывается, Его Высочество князь Цзинь — жадина.

Шёлковая лента, завязанная на его шее прошлой ночью, теперь была обёрнута вокруг запястья Лу Цяньтана. Тот, держа его за запястье, возился с ним некоторое время, пока Лу Цяньтан, обессиленный, не опустил голову на его плечо и не сказал:

— Ваше Высочество, похоже, в последнее время не принимали те вредные лекарства.

Между ключицами Лу Цяньтана была маленькая красная родинка, которую можно было разглядеть только при сильном дыхании, и Сяо Цинму очень любил эту родинку.

Сяо Цинму лизнул его родинку и сказал:

— Откуда ты знаешь?

Лу Цяньтан тихо засмеялся:

— Я не зря крал лекарства Вашего Высочества.

Сяо Цинму внезапно схватил его за талию и прижал вниз:

— Крадёшь, а ещё оправдываешься.

Лу Цяньтан сдержанно застонал:

— Наверняка не принимали, иначе, если бы это стало известно, кто бы поверил, что Его Высочество князь Цзинь может так изводить людей.

Сяо Цинму сказал:

— Если устал, попроси четвёртого принца.

Лу Цяньтан вздохнул:

— Я уже прошу, Ваше Высочество, только развяжите мне запястья, я очень устал.

Сяо Цинму поцеловал его в глаза и вдруг сказал:

— Ты действительно готов навсегда остаться в Лянгуне?

Лу Цяньтан только улыбнулся, прижался к нему и поцеловал, не собираясь отвечать на его вопрос.

Рука Сяо Цинму мягко провела по его груди, и, хотя на ощупь она была тёплой, он чувствовал, что внутри скрывается кусок льда, который не хочет таять.

Не успел оглянуться, как наступило десятое число первого месяца. Князь Лян вернулся с наследником, который больше походил не на пленника, а на почётного гостя, приехавшего в Ингао на экскурсию, а теперь его с почестями отправляют обратно.

Хан Намань прислал кучу подарков в знак извинения, что привело в восторг чиновников из министерства финансов. Яо Чжан возглавил движение за примирение, и вместе с группой чиновников подал петицию. Император Чжэньюань в конце концов использовал старый трюк, заставив побеждённого Намань принести дань и признать себя вассалом, и на этом всё закончилось.

Перед отъездом в Лянгунь Лу Цяньтан получил звание сяоцзивэя пятого ранга, но, попав в армию, под его командованием оказалось всего сто пятьдесят человек, что было совсем уж мизерно.

Лу Цяньтан переоделся, повесил меч и, уходя, с сожалением посмотрел на всё ещё голое дерево хайтана во дворе. Чжао Цзин проводил его до ворот и сунул ему пакет с солодовым сахаром. Лу Цяньтан посмотрел на него и засмеялся:

— Спасибо, брат Чжао, я обязательно сохраню его.

Чжао Цзин как будто хотел что-то сказать, но промолчал, и только через некоторое время произнёс:

— Ты не пойдёшь попрощаться с Его Высочеством князем Цзинем?

Лу Цяньтан сел на лошадь и с улыбкой сказал:

— Не нужно. Через десять-пятнадцать дней он уже забудет, кто такой Лу Цяньтан, а прощание только покажет, что я слишком чувствителен. Береги себя, брат Чжао.

Перед тем как хлестнуть кнутом, Лу Цяньтан добавил:

— Утешь за меня Чжаньчжань, она всё ещё плачет.

Чжао Цзин ахнул, и только следы копыт на снегу показали, что одинокий всадник постепенно исчез в бамбуковой роще переулка Гуцю.

В этот день солнце светило ярко, снег у городских ворот начал таять, превращаясь в воду, которая под копытами лошадей превращалась в грязь. Лу Цяньтан оглянулся на Ингао и, размахивая кнутом, уехал вместе с армией.

Через два дня, когда Чжао Цзин подошёл к воротам резиденции князя Цзиня, он невольно подумал, что Лу Цяньтан не прощался, но зачем-то попросил его передать вещи.

С тех пор, как они в последний раз расстались, Сяо Цинму больше не посещал «Цяньлицзуй». Ведь Лу Цяньтан сам сказал, что им больше не нужно встречаться, и Его Высочество князь Цзинь чувствовал себя так, будто его использовали.

Сяо Цинму взял вещи и долго их рассматривал, затем спросил:

— Он ещё что-нибудь сказал?

Чжао Цзин дословно повторил:

— Лу Цяньтан сказал, что у него маленькое жалованье, и он взял у Вашего Высочества много вещей, но не может их вернуть, поэтому посылает меч в качестве долга. Надеется, что Ваше Высочество не будет против, и если захотите выбросить, сделайте это тайно.

Это был изогнутый меч длиной в один чи, красивый на вид, с ножнами и рукоятью чёрно-золотого цвета, с замысловатыми узорами на рукояти. Он не походил на то, что можно найти в Ингао, и, казалось, был сделан недавно. Не был он и старым предметом, который он мог бы привезти с собой, и уж точно не нёс в себе никакого «ностальгического» смысла.

Сяо Цинму долго вертел его в руках, но так и не смог понять, что может означать этот новый меч. Чем больше он смотрел, тем мрачнее становилось его лицо, и он с презрением сказал:

— Что это значит? Он что, заплатил за ночь?

Чжао Цзин смущённо посмотрел на него, думая: «Вы спали вместе и не знаете, а откуда я могу знать, что это значит?»

Сяо Цинму хотел позвать Яньчжу, чтобы та убрала меч, но потом передумал и оставил его себе, больше не приставая к Чжао Цзину, и отпустил его.

В конце концов, Лу Цяньтан был человеком странных мыслей и мастером раздражать, и, проведя с ним день, можно было восемь раз испытать это на себе.

Чжао Цзин уже собирался уйти, как Сяо Цинму снова позвал его:

— Если придёт письмо, сообщи мне.

Чжао Цзин кивнул:

— Когда он устроится, наверняка напишет. Он ещё сказал, что хочет знать, когда зацветёт дерево хаитана.

Сяо Цинму подумал: «Только цветы его интересуют? Настоящий бессердечный».

Армия в столице постепенно уходила вслед за войсками Лянгуня, и напряжённая атмосфера в императорском городе тоже начала рассеиваться.

После более чем полумесяца пути они наконец достигли границы Лянгуня. Лу Цяньтан думал, что северо-запад — это пустынная местность, полная песка и ветра, но, проезжая через три северо-западных города, он изменил своё мнение.

На севере граница Лянгуня примыкала к Тугуси, а на юге — к Хуэйцзе. Три северо-западных города находились на торговом пути, и их процветание не уступало четырём кварталам Ингао.

Лу Цяньтан вспомнил, как в июне здесь бушевали бои, а теперь здесь снова кипела жизнь, как будто ничто не могло сломить стремление людей жить, и даже одна искра могла зажечь целую степь.

Лу Цяньтан вдруг вспомнил, как в детстве отец учил его писать. Маркиз Динбэй, сняв доспехи, держал руку сына и говорил:

— Каждый подданный Великого Ци похож на чернила в чернильнице, правители — это кисть, а военные — это бумага. Не нужно выделяться, можно всю жизнь не произносить ни слова, но нужно поддерживать каждый штрих.

— Когда ты подрастёшь, я отвезу тебя посмотреть весь Лянъянь. Лянъянь — это не только холодные доспехи и оружие, это огни каждого дома, и каждая часть его тёплая.

Авторское примечание: Здравствуйте, я котёнок с аватарки. Автор попросил меня попросить лайков и звёздочек. Можете игнорировать автора, но, пожалуйста, обратите внимание на котёнка, спасибо. (Если не видите аватарку, представьте, что это очень милый котёнок.)

<http://bllate.org/book/16145/1445903>